

Тан Кайци закончил разговор и уже собирался было сунуть деньги под аппарат, как в комнату вошел староста Бай Цин:

— Кайци, убери деньги!

Тан Кайци, сжимая монеты, возразил:

— Староста, ну нельзя же так — я вечно на халяву звоню, да и проговорил сегодня долго.

— Пустое, — Бай Цин махнул рукой. — Мы же соседи, чего церемониться. Ступай себе.

Тан Кайци всё равно чувствовал себя не в своей тарелке. Видя это, Бай Цин добавил:

— Ну ладно, раз так хочешь отблагодарить — как будет время, пусть твой Дахуан мою корову покроет, договорились?

Тан Кайци: «...»

Ну вот, опять Дахуану на панель идти, а Чжун Маню — над ним потешаться.

Ему становилось всё совестнее перед быком, но отказать старосте он не мог:

— Ладно.

Выйдя от старосты, Тан Кайци заглянул к сельскому врачу и взял пару пластырей для Чжун Маня. Дома он застал гостя на пороге: тот сидел с кошкой на коленях, на губах играла едва заметная улыбка, а лицо светилось нежностью, которой Тан Кайци раньше никогда у него не видел.

Тан Кайци смутно помнил, что в детстве Чжун Мань был задиристым, принципиальным и своенравным. Он чуть что пускал в ход кулаки и не знал равных в округе. Своими силами он защищал всю мелюзгу деревни Гадань — пока он был рядом, пацаны из соседних деревень и носа сунуть не смели.

Он был вожаком, тем самым «старшим братом», за которым Тан Кайци готов был идти в огонь и в воду.

И не только он — все дети в деревне обожали хвостиком бегать за Чжун Манем. Ведь он был не только грозным и крутым, но ещё и невероятно красивым. Рядом с вечно чумазыми деревенскими ребятишками он сиял белизной, словно жемчужина.

Сразу несколько девчонок заявляли, что вырастут и выйдут за него замуж. Маленький Тан Кайци тогда не понимал, что значит «выйти замуж», но слышал, что так можно всегда быть рядом с Чжун Манем. Поэтому он начал соперничать с девчонками, вопя, что это он на нем женится.

Вечерами он не уходил из дома Чжун Маня и на полном серьезе заявлял его матери:

— Тетенька, разрешите мне на вашем сыне жениться, я быков пасти умею!

Мать Чжун Маня тогда чуть со смеху не померла.

Одна девочка сказала ему, что он мальчик и жениться не может, так он, обидевшись, вытер об неё сопли, и та с плачем побежала жаловаться матери.

В итоге Тан Кайци так и не понял, чем именно он заслужил благосклонность Чжун Маня и получил написанный его рукой «брачный контракт». Наверное, потому что был краше всех?

— Вернулся?

Голос Чжун Маня прервал его воспоминания и самолюбование. Тан Кайци поспешно ответил:

— Ага. Я батю позвонил, он сказал — поищет контракт и через пару дней с братом моим передаст.

Чжун Мань кивнул. Похоже, ближайшие дни им придется потесниться в одном доме.

Он спросил:

— В восточной комнате много хлама? Я там приберусь и лягу.

— Нельзя! — Тан Кайци отреагировал чересчур резко.

Чжун Мань удивился:

— Почему это?

Тан Кайци долго заминался, прежде чем выдать:

— В восточной холодно, там жить нельзя, и всё барахлом завалено. Будешь со мной на кане спать, и точка.

Чжун Мань: «...»

— Я не привык делить с кем-то комнату.

А уж одну постель — и подавно.

Уж лучше он в восточной комнате на полу устроится.

Тан Кайци настаивал:

— Да выбора-то нет. Ты же знаешь, в вашем доме только на одном кане спать можно. Когда брат приезжает, места на всех не хватает, ему иногда в коровнике ночевать приходится. Если не хочешь со мной — иди в коровник.

Чжун Мань возмутился:

— А почему бы тебе не пойти в коровник? Там свежий воздух, на звезды ночью посмотришь.

— С чего это я должен там на звезды смотреть?

— Думаешь, я смогу их увидеть?

Тан Кайци покосился на повязку на его глазах и замолчал. Он просто молча опустил на корточки и начал наклеивать пластырь на припухшую лодыжку Чжун Маня.

Смеркалось. Тан Кайци ушел кормить свою живность, а Чжун Мань принялся разбирать вещи.

Когда он уезжал из семьи Чжун, мачеха велела перерыть его сумку — боялась, что он прихватит что-то ценное. В итоге у него остались только две смены одежды и коробка серебряных игл. Даже телефона лишили.

Ничего, скоро мачеха и сводный брат обнаружат, что формула нового препарата фармацевтического завода Чжун неверна, и тогда сами его искать станут.

Компанию, которую родители строили с таким трудом, он просто так не отдаст.

Тан Кайци подглядывал за Чжун Манем через щель в окне. Убедившись, что тот не собирается выходить, он, призывая кур «цып-цып-цып», потихоньку двинулся к восточной комнате.

У порога он рассыпал корм на землю и быстро нырнул внутрь.

Восточная комната была пуста — вовсе не «завалена вещами», как он врал. Посреди пола стоял только огромный чан с водой.

Тан Кайци присел перед чаном и дважды легонько постучал по краю. На зеркальной глади воды всплыли два пузырька, а следом показалось зеленое существо размером с человеческий палец. С виду это была гусеница или червь, которая, забавно перебирая в воде, уставилась на Тан Кайци черными глазками-бусинками.

— Люй Маодань, — Тан Кайци коснулся усика на его голове. — У нас тут гость поживет несколько дней, ты пока наружу не суйся, ладно? Я тебе еду сам буду приносить.

Существо, названное Люй Маоданем, нырнуло вглубь и снова выставило голову.

Тан Кайци усмехнулся:

— Ой, тебе ж уже за сотню лет, а всё капризничаешь. Вот уедет гость, я на базаре уток продам, куплю тебе говядинки, а то и пару гусей забью специально для тебя, идет?

Люй Маодань закружился на поверхности воды. Тан Кайци знал: это значит, что тот доволен.

Эта «гусеница» досталась ему от бабушки. Бабушка говорила, что Люй Маоданя начала растить ещё её мать. Это был редчайший Гу Пяти Стихий.

Мать Тан Кайци была категорически против того, чтобы сын учился у бабушки искусству гу, из-за чего они постоянно ссорились. Хуа Фан даже грозилась прибить сына, если тот свяжется с этой чертовщиной.

И всё же Тан Кайци не удержался. Перед смертью бабушки он втайне принял от неё этого паразита.

Но тогда он был слишком мал и не умел обращаться с гу, поэтому порой существо брало над ним верх. Люй Маодань был ненасытен, словно мифический Таоте: сколько ни дай — всё мало. Он заставлял Тан Кайци без конца таскать ему еду, отчего сам рос, становился ярко-красным и начинал изрыгать пламя.

Первый их дом сгорел именно так. Потом они переехали в Гадань, но и здесь история повторилась.

После двух пожаров Тан Дэлун чуть не забил сына до смерти, а мать едва не выбросила Люй Маоданя.

С тех пор Тан Кайци всерьез взялся за изучение бабушкиных «секретных записей». Даже если

не знал каких-то иероглифов, просил брата подписывать транскрипцию.

Со временем он научился управлять гу и достиг с Люй Маоданем душевного родства, получив возможность в какой-то мере его контролировать.

Он заботился о нем, отдавая всё самое вкусное. Брат подшучивал, что он растит этого червя как будущую жену, и Тан Кайци даже не спорил.

Он помнил наказ бабушки: Гу Пяти Стихий — это спутник на всю жизнь. Раз признав хозяина, он остается с ним до самой смерти. Но и защищать хозяина он будет вечно.

Тан Кайци ещё раз ткнул Люй Маоданя пальцем в голову, оставил ему белый хлеб и вышел.

<http://bllate.org/book/18973/1864233>